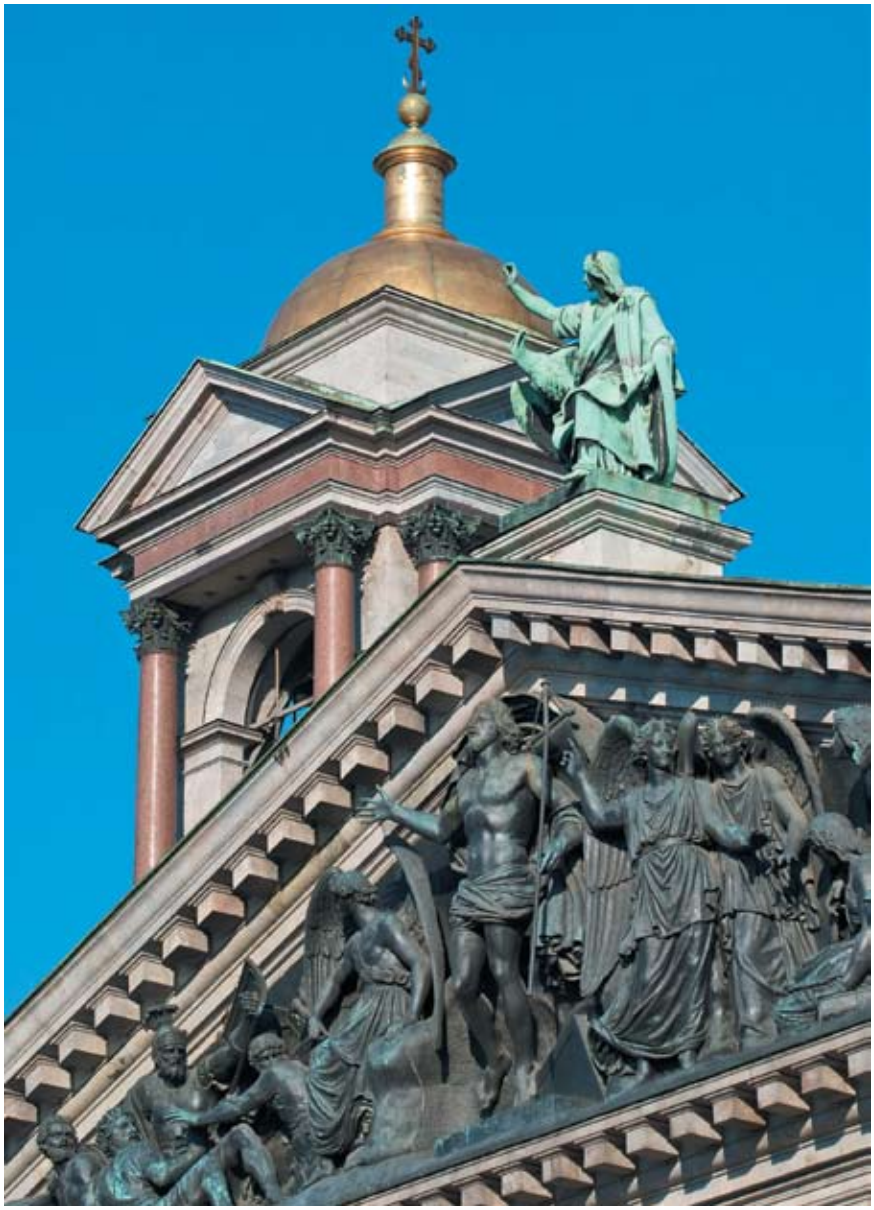

Архитекторы и художники французского происхождения в России в 1850–1930-е годы. Государственная позиция и судьбы людей

Павлинов Павел Сергеевич — искусствовед.

Бесспорно, французы оставили заметный след в русской культуре. Если бы французы не приезжали в Россию, не было бы уже привычных нам Исаакиевского собора и Александровской колонны в Петербурге архитектора Огюста Монферрана, главных домов усадеб Кусково (проект Шарля де Вайи) и Архангельское (проект Шарля де Герна), «Последнего дня Помпеи» Карла Брюллова (его предки французы-гугеноты Брюлло перебрались из Франции в Германию, а в 1773 г. прадед художника Георг Брюлло приехал в Россию) и многого другого. И вообще, сложно себе представить русскую придворную и дворянскую культуру XVIII в. и значительной части XIX в. без французского влияния, проводниками которого были в том числе приезжавшие из Франции архитекторы, скульпторы и художники. В первых рядах французской линии россики XVIII в. — архитекторы Жан-Батист Леблон, Жан-Батист Валлен-Деламот и Никола Легран, скульпторы Никола Жилле (профессор Академии художеств в 1758–1777 гг.) и Этьен Фальконе, портретисты Луи Каравак и Луи Токе.

Особенно много в России было выходцев из Франции в первой половине XIX в.: архитекторы Поль Жако (здание Дворянского собрания в Петербурге) и уже упоминавшийся Огюст Монферран, скульпторы Жак-Доминик Рашетт (главный модельер Императорского фарфорового завода), Жак Тибо (один из авторов колоссов у основания Ростральных колонн), Филипп Лемер (автор скульптурных композиций во фронтонах Исаакиевского собора), художники Огюст Дезарно, Орас Верне, Андре Дюран и др.

С середины XIX в. французских архитекторов, скульпторов и художников приглашали гораздо реже. Но здесь работали потомки французов, по разным причинам (выгодные заказы, французская революция, наполеонов-

ские войны) переехавших в Россию (главным образом в Москву или Петербург). Так, в Москве работали семьи Вивьен (портретист Жозеф Вивьен де Шатобрен и его дети архитекторы-художники Вильгельм и Александр), Обер (управляющий конторой Императорских московских театров Лаврентий и его дети архитектор Александр и скульптор-анималист Артемий, работавший преимущественно в столице), в Петербурге — Боде-Шарлемани, Брюлловы (архитектор Александр Павлович), Бенуа (архитектор Николай Леонтьевич и его дети архитектор Леонтий, художники Альбер, Екатерина, Александр), Лансере (скульптор Евгений Лансере и его дети); в Туркестане — племянник Николая Леонтьевича Бенуа Алексей Леонтьевич (умер в Красноводске в 1902 г.); в разных городах — Тибо-Бриньоли (сын бежавшего от французской революции скульптора Франца Бриньоля архитектор города Орла Иосиф и сын последнего городовой архитектор Пятигорска в 1894–1895 гг. Оскар Франц). Опыт работы этих и многих других семей показывает, что, несмотря на различные сложности, культурные связи между Россией и Францией оставались на высоком уровне.

Сложно себе представить русскую придворную и дворянскую культуру XVIII в. и значительной части XIX в. без французского влияния.

Поражает разнообразие стилей, в которых работали французские мастера в России, в том числе архитекторы второй половины XIX столетия. Так, французский подданный Жюльен (Юлиан Францевич) Тибо в 1855–1861 гг. построил по заказу князя В.Б. Святополк-Четвертинского в подмосковной усадьбе Филимонки Троицкую церковь в очень редком для России неороманском стиле. Ее руины очень романтично возвышаются на берегу речки Ликова на территории психоневрологического диспансера. В 1863–1865 гг. по проекту Николая Леонтьевича Бенуа построено главное здание Петровской земледельческой академии в Москве (ул. Тимирязевская, 49), парковый фасад которого напоминает постройки Растрелли. Одна из лучших в Москве церквей в неовизантийском стиле — церковь святого Иоанна Златоуста в Донском монастыре (1889–1891) построена по проекту француза, уроженца Москвы Альфонса Венсана (1844–1888). В конце XIX в. в духе европейской эклектики в Москве строил уроженец города Мюнстера гражданин Франции Оскар-Жан Дидио (около 1841 — после 1902 г.). По его проектам возведены кондитерская фабрика А. Сиу (1884; Ленинградский проспект, 11), парфюмерная фабрика А. Ралле (1899; Вятская улица, 47), здание мужской и женской гимназий в Милютинском переулке (дом № 7а; 1897–1899, ныне французский лицей имени Александра Дюма), а также памятник французам,

Фото: П.С. Павлинов. Руины Троицкой церкви в Филимонках Московской обл. Архитектор Ж.Тибо. 1855–1861 гг.

умершим в Москве в 1812 г., на Введенском кладбище (1889).

Большой интерес представляют жизнь и творчество французских архитекторов и художников в России в XX в. Французы, как и представители других народов, следовали изменениям и переноси-

Очень показательна для истории французов в России 1910–1930-х годов жизнь семьи Бенуа–Лансере–Серебряковых.

ли невзгоды вместе с коренными жителями России. Но были и свои особенности. Так, французам после революции 1917 г. все же было легче, чем другим, эмигрировать во Францию. Интересно проследить, как трагедия России XX в. (революция, Гражданская война) отразилась на французах. Наиболее яркий период в смысле перемен — это 1910–1930-е годы.

XX век в архитектуре и искусстве начинался бурно. В России работали многие мастера французского происхождения, начавшие творить еще в XIX столетии. Так, в 1908 г. академик скульптуры Артур Обер (1843–1917) вместе с архитектором Я.И. Филотеем создал так называемый Цусимский обелиск — памятник героям броненосца «Император Александр III» в сквере у Никольского собора в Петербурге; в 1912 г. он создал декоративные скульптуры для Бородинского моста в Москве.

Его ровесник сын французского литератора граф Поль (Павел Юльевич) де Сюзор (1844–1919) окончил Академию художеств и активно работал как архитектор. В Петербурге сохранилось более 80 построенных им зданий, таких как знаменитый дом компании «Зингер» на Невском проспекте со скульптурой орла по модели Обера (1902–1904). В 1910-е годы он почти не проектировал, был председателем (с 1903 г.), почетным членом и почетным председателем (с 1917 г.) Общества архитекторов-художников, почетным членом Академии художеств (1911 г.), председателем строительного отдела Русского технического общества (с 1908 г.). Был одним из организаторов Музея старого Петербурга, располагавшегося в его доме на Съездовской линии (дом 21).

Женат он был на дочери архитектора А.П. Брюллова. Жил с семьей в доме по Кадетской линии, 21. Его реквизиция и уплотнения ускорили смерть архитектора. Он умер в июле 1919 г., похоронен на Смоленском лютеранском кладбище. Его сын камер-юнкер Георгий Павлович был членом комитета по строительству храма к 300-летию Дома Романовых в Петергофе. Эмигрировал во Францию, где и умер в 1943 г. (похоронен на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа).

Интересна судьба петербургских архитекторов графов де Рошфор. Николай Генрих Максимилиан Рошфор (1846–1905) родился в Париже, но вскоре попал в Россию. Стал архитектором, в 1889–1894 гг. построил с использованием черт модерна Беловежский императорский дворец (не сохранился), в 1895 г. перестраивал дворец великой княгини Ксении Александровны на Мойке, 106. Его сын Константин (1875–1961) стал мастером модерна; в 1905–1907 гг. в духе протоконструктивизма построил здание торгового дома «С. Эсдерс и К. Схейфальс» на углу Мойки и Гороховой улицы. В начале 1910-х годов он строил доходные дома на набережной реки Карповки (дома 32 и 34), на Мытнинской улице (дом 24) и др. В 1921 г. Рошфор уехал во Францию.

Очень показательна для истории французов в России 1910–

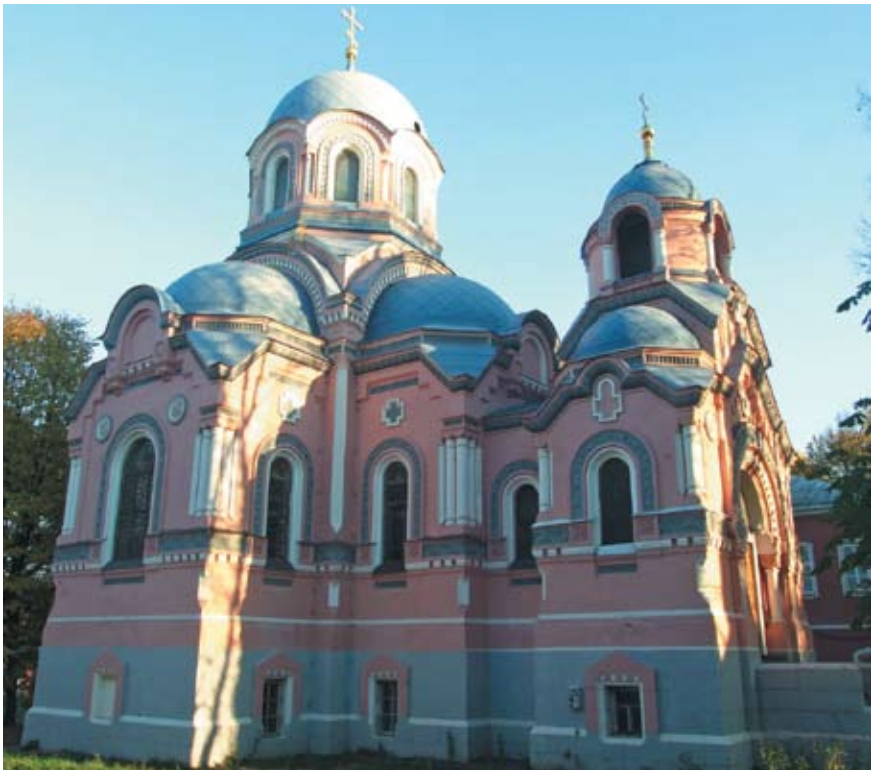

Фото: П.С. Павлинов. Церковь святого Иоанна Златоуста в Донском монастыре. Архитектор А. Венсан. 1889–1891 гг.

1930-х годов жизнь семьи Бенуа–Лансере–Серебряковых. Наибольшую известность в семье к 1917 г. получили дети архитектора Николая Леонтьевича Бенуа (его отец Луи Бенуа приехал в Петербург после французской революции в 1794 г.) Альберт, Леонтий (архитектор западного корпуса Русского музея в Петербурге) и Александр (один из организаторов объединения «Мир искусства»), а также дети скульптора Евгения Александровича Лансере, женатого на дочке Николая Леонтьевича Бенуа Екатерине, Евгений, Николай и Зинаида. В 1910-е годы активно работали также архитекторы братья Юлий и Франц Юльевичи Бенуа, художник Александр Александрович Бенуа (Конский) и его сын архитектор Альберт Александрович, в 1910 г. уехавший во Францию.

Для детей скульптора Евгения Александровича Лансере (его дед — офицер наполеоновской армии Поль Лансере после войны 1812 г. остался в России) и художницы Екатерины Николаевны Бенуа 1910-е годы тоже стали временем яркого и радостного творчества. Художник Евгений Евгеньевич Лансере (1875–1946) становится действительным академиком живописи; в 1915–1916 гг. он является председателем Комитета объединения «Мир искусства»; активно работает как журнальный и книжный график (в 1916 г. выходит первое издание «Хаджи-Мурата» с его иллюстрациями), театральный художник. Именно в 1910-е годы он создает свои лучшие дореволюционные ансамбли росписей в различных стилях: росписи дома Г.А. Тарасова в Москве в стиле неоренессанса (1910–1911; Большой Патриарший переулок, 1), росписи в стиле неоклассицизма Памятного зала великого князя Владимира Александровича в здании Академии художеств в Петербурге (1915), панно «Заморская торговля» для особняка Мануса (1917, ГТГ). В 1910-е годы построены великолепные здания в стиле неоклассицизма по проектам его брата Николая Евгеньевича Лансере (1879–1942): дом Л.А. Брюна под Лугой (1911–1912, не сохранился), павильон на Всероссийской гигиенической выставке на Каменном острове (1912–1913) и особняк Новинских в Петербурге (1913–1914); в стиле петровского барокко — Школа народного искусства на канале Грибоедова в Петрограде (1913–1915, планировка архитектора И.Ф. Беспалова, барельефы по рисункам брата); в стиле английской готики — усадебный дом брата в Усть-Крестище Курской губернии (не сохранился) с просторной мастерской, в которой Евгений Евгеньевич много работал до 1917 г.

Фото: П.С. Павлинов. Фрагмент росписи особняка Г.А. Тарасова в Москве. Художник Е.Е. Лансере. 1910–1911 гг.

Советская власть стала привлекать мастеров, в том числе и иностранных, для больших социалистических строек.

В той же Курской губернии, но на 200 км южнее, в усадьбе Нескучное, приобретенной в 1880-е годы скульптором Евгением Александровичем Лансере, в 1910-е годы работала его дочь Зинаида Евгеньевна Серебрякова — создавала прекрасные пейзажи, полотна бытового жанра, часто изображала крестьян. В семье Бенуа–Лансере–Серебряковых нередко работали над совместными проектами. Так, в 1914 г. под руководством Александра Бенуа мирискуссники начали работу над эскизами росписи зала I и II классов Казанского вокзала. В проекте в том числе участвовали Зинаида Серебрякова и Евгений Лансере. Из-за войны и революции проект временно остановили.

Первая мировая война внесла значительные коррективы в жизнь семьи. Зинаида Серебрякова с началом войны спешно возвращается из Италии в Нескучное; Евгений Лансере в конце 1914 г. едет на Кавказский фронт художником-корреспондентом. Но, конечно, гораздо большие перемены принесла революция 1917 г., которую почти все члены семьи не приняли. После ужасных проявлений большевистского насилия все иллюзии окончательно исчезли. Первая «послеоктябрьская волна» — отъезды из имений. В ноябре 1917 г. в связи с работой над иллюстрациями к «Казакам» Л.Н. Толстого в Дагестан из Усть-Крестища уехал Евгений Лансере с семьей. В 1918–1919 гг. он работал художником в Отделе пропаганды Добровольческой армии, а в 1920 г. переехал в Тифлис, где работал в Этнографическом

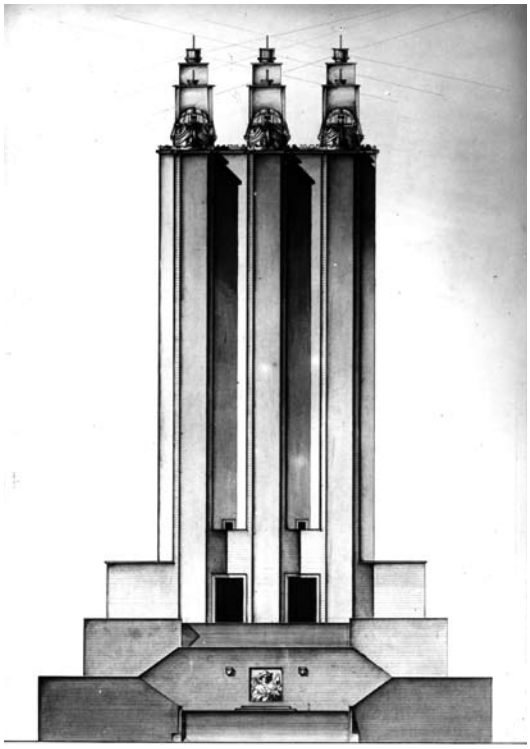

Фото: П.С. Павлинов. Проект памятника Христофору Колумбу в Санто-Доминго. Архитектор Н.Е. Лансере. 1929 г.

музее, Кавказском археологическом институте; стал одним из основателей Академии художеств в Тифлисе. В 1922 г. он посетил Ангору в Турции («Лето в Ангоре. Рисунки и заметки из дневника поездки в Анатолию летом 1922». Л., 1925), а в 1927 г. последний раз побывал во Франции. В декабре 1917 г. Нескучное покинула Зинаида Серебрякова. С весны 1918 г. она снова жила в Нескучном, но в ноябре 1919 г., с наступлением красноармейцев, окончательно оттуда уехала, вначале в Харьков, а в декабре 1920 г. — в Петроград. Городских жителей в это время нещадно уплотняли, как это было в доме Бенуа в Петрограде.

В 1920-е годы поднимается вторая волна перемен. Многие вынуждены уехать за границу. Французы — преимущественно на свою историческую родину во Францию. В 1921 г. уехал уже упоминавшийся архитектор Константин де Рошфор. В 1924 г. — акварелист Альберт Николаевич Бенуа, а также Зинаида Серебрякова, к которой в 1925 г. приехал сын Александр, а в 1928 г. дочь Екатерина (дети Евгений и Татьяна остались в Ленинграде); в 1926 г. — Александр Николаевич Бенуа с детьми. Уезжали не только во Францию, но и в другие страны. В 1920 г. в Англию уехала младшая дочь Леонтия Николаевича Бенуа художница Надежда Леонтьевна Устинова. Ее сын Питер Устинов к середине XX в. стал известным актером и режиссером. Дочь акварелиста Альберта Бенуа Камилла Хорват после революции осталась в Китае, а позже переехала в Канаду.

С конца 1920-х годов после выдавливания неугодных деятелей культуры начался следующий период в русском искусстве. Советская власть стала привлекать мастеров, в том числе и иностранных, для больших социалистических строек. Центр притяжения при этом переместился из Петербурга в Москву. В конкурсах участвовали и некоторые французские архитекторы. Так, Огюст Перре принял участие в конкурсе на строительство Дворца Советов. Его ученик Шарль Ле Корбюзье (1887–1965) тоже предложил свой проект. Ле Корбюзье также создал проект планировки Москвы (1930), по которому новый центр города должен был быть построен на Юго-Западе. Но советская власть отказалась от этого проекта и продолжала разрушать исторический центр столицы. Осуществлен был только один проект Ле Корбюзье — стоящее на сваях здание Наркомлегпрома, западный фасад которого выходит на современный проспект Академика Сахарова (ныне Федеральная служба государственной статистики; 1928–1935). Это одно из первых почти сплошь застекленных зданий. Якобы при его строительстве (возможно, для подвоза строительной техники) пришлось снести редкую двухапсидную церковь 1-й половины XVI в. Николы в Мясниках и церковь Сошествия Святого Духа 1711–1737 гг., с паперти которой в 1809 г. А.С. Пушкин впервые увидел Александра I. Интересно, что, не огорчившись такой потерей, Ле Корбюзье очень высоко оценил располагающийся рядом на Сретенском бульваре эклектичный дом «Россия» (1899–1902).

Осуществлен был только один проект Ле Корбюзье — стоящее на сваях здание Наркомлегпрома.

К работе все чаще привлекаются и обрусевшие французы, имевшие большой опыт работы в дореволюционной России. Превосходные проекты в духе конструктивизма и новейших поисков в архитектуре в 1920–1930-е годы создавал Николай Евгеньевич Лансере. В 1929 г. он, единственный из советских архитекторов, получил почетную премию за проект памятника-маяка Колумбу в Санто-Доминго на международном конкурсе в Нью-Йорке. В 1934–1937 гг. он руководил проектом масштабного, но неосуществленного комплекса зданий Всесоюзного института экспериментальной медицины в Москве. В 1937 г. были заложены фундаменты, начато строительство, остановленное войной. В 1934 г. по приглашению Щусева из Тбилиси в Москву с семьей для работы над росписями Казанского вокзала переехал Евгений Евгеньевич Лансере. За время проживания на Кавказе его стиль трансформировался в сторону большего реализма и монументальности. К сожалению, в изобразительном искусстве коренным образом из-

менились предпочтительные программы.

Вместо отвлеченных и мифологических тем теперь мастерам, связанным с большими заказами, приходилось изображать сюжеты, возвеличивающие социалистические ценности, среди которых, правда, были вполне достойные уважения (при определенных условиях). Так, в монументальных работах Е.Е. Лансере поднимались темы единения народов (плафон «Праздник единения братских народов СССР» в ресторане Казанского вокзала, 1933–1934; эскизы оформления Большого зала Дворца Советов, 1938–1940), коллективного труда (майоликовые панно на станции метро «Комсомольская», 1935), победы в Отечественной войне (росписи вестибюля Казанского вокзала, созданные совместно с сыном Евгением Лансере в 1945–1946 гг.). Справедливости ради нужно отметить, что представители семьи Бенуа–Лансере–Серебряковых всегда избегали заказов с изображением вождей (исключение составляли исторические композиции из дореволюционного прошлого).

Пережив различные трудности за многие десятилетия жизни в России, семьи обрусевших французов в 1930-е годы столкнулись с чудовищной подлостью властей. Расцвет искусств в это время сопровождался многочисленными арестами. Многим приходилось работать в заключении. Десять лет на строительстве Рыбинской ГЭС и дороги Печора — Воркута работал инженер Федор Фридрихович Бенуа. В 1931–1935 гг. в Особом конструкторско-техническом бюро (ОКТБ-12) работал Николай Евгеньевич Лансере. В 1938 г. его арестовали вторично по абсурдному обвинению в шпионаже. Умер Николай Евгеньевич в саратовской пересыльной тюрьме в 1942 г. Никакие письма его брата Евгения и многих архитекторов не помогли. Непонятно, что спасло от ареста самого Евгения Лансере, который также не скрывал своего дворянского происхождения и наличия близких родственников во Франции. В том же 1938 г. за переписку с отцом академиком Альбертом Николаевичем Бенуа, уехавшим в Париж, в Алма-Атинской области расстрелян военный инженер Николай Альбертович Бенуа.

Вместо отвлеченных и мифологических тем теперь мастерам, связанным с большими заказами, приходилось изображать сюжеты, возвеличивающие социалистические ценности.

На этом чудовищном фоне работа мастеров, уехавших за рубеж, выглядит даже слишком мирно. Но не стоит забывать и об их материальных и психологических трудностях. Оставшиеся в России (СССР) в 1930-е годы окончательно приобщились к русской истории. Уехавшие же за рубеж начали распространять частички русской высокой художественной культуры по миру, как это делали их предки с французской культурой в России. Так, сын Александра Александровича Бенуа (Конского) художник и архитектор Альберт Александрович Бенуа (1888–1960) в 1930-е годы стал одним из ведущих церковных архитекторов и иконописцев в Западной Европе. Построенные им храмы представляют замечательные примеры позднего эмигрантского неорусского стиля: церкви в Сент-Илер-ле-Гран (1936–1937), в Сент-Женевьев-де-Буа (1938–1939) во Франции.

Удивительно, как за 100 лет, с середины XIX до середины XX в., поменялись жизнь и судьбы французских семей в России. Тот просветительный порыв, который сохранялся у французов в России еще в середине XIX в. (с доминированием западноевропейской культуры), сменился гармонией равноправия высочайших культур начала XX в. (одно из лучших проявлений — объединение «Мир искусства»). Эта гармония была разрушена экспериментами 1920–1930-х годов, изменявшими стили и судьбы. ЭС

Фото: П.С. Павлинов. Роспись потолка зала ожидания Казанского вокзала в Москве. Художник Е.Е. Лансере. 1933–1934 гг.

ПЭС 10222/22.10.2010